

Anna Mezenko

Уніяцтва і лічнае імянаванне беларусов в XVII-XIX вв.

Acta Polono-Ruthenica 9, 43-49

2004

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Anna Mezenko
Witebsk

Униатство и личное именование белорусов в XVII–XIX вв.

Конец XX – начало XXI столетия характеризуется возрастанием интереса к проблемам ономастики, и в частности антропонимики, что объясняется общим развитием лингвистической мысли во второй половине ушедшего века.

Возрастание интереса к ономастике обуславливает в известной мере смена ведущих парадигм – от сравнительно-исторической к когнитивной. Но, несмотря на доминирование в современном языкознании когнитивной парадигмы, все же основной приметой ономастических исследований остается полилингвальность, заключающаяся в переплетении системной, коммуникативной, психологической, тексто-центрической, когнитивной парадигм, что придает новый ракурс ее рассмотрению.

Антропонимия как лингвистический факт и как проявление человеческой культуры тесно связана с другими ее проявлениями. Поэтому антропонимия как в синхронии, так и в диахронии может изучаться в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры, исследование которых и составляет предмет культурной антропологии.

Настоящая статья излагает результаты нашего исследования роли униатства в формировании антропонимной системы белорусов в XVII – начале XIX в. на примере витебского антропонимикона. Материалом для исследования послужили данные инвентаря города 1641 г., хранящегося в рукописном отделе библиотеки Академии наук Литвы (ф. 17) и „Списка жителей Витебска 1812 г”, хранящегося в фондах Витебского областного краеведческого музея, обследование которых позволило выявить различные формулы именования витеблян указанных временных срезов.

Специфика привлечения к анализу названных источников заключается в том, что они в большей степени отражают развитие официальной системы именования лица и позволяют судить лишь об одной сфере функционирования антропонимов. Несмотря на то, что официальный документ предполагает свои принципы именования лица и не требует создания новых антропонимных единиц, а использует уже готовые, нормируя их употребление в функции социальной идентификации лица, в анализируемых документах задействованы самые

разнообразные формулы именованія витеблян: одночленная (*Дракула, Карп, Дениска, Фуртук* и др.), двучленная различного характера (*Матей Высоцкий, Базыль Федоров, Ян Глинка, Малах Лёшка* и др.), тречленная нескольких разновидностей (*Никита Никонев Недвецкий, Тадеуш Янов Пасёра, Никифор Казюля Сухорукий* и др.), в том числе формулы аналитического типа, включающие в себя описательную конструкцию патронимического характера со словом „сын” (*Емельян Петра сын Катко, Федор Герасимов сын Студински* и др.).

Отсутствие строгих норм официального именованія способствовало вовлечению в документы различных антропонимных средств, что в свою очередь позволило при их анализе выходить за рамки описания только системы официальной номинации и делать выводы об антропонимной системе в целом.

В качестве объекта исследования в данной статье выступает первый компонент формулы – личное имя.

В истории белорусской антропонимики известны исследования, в которых обращается внимание на сосуществование в антропонимиконе белорусов XVI–XVIII вв. православных и католических имен. Достаточно вспомнить известные работы Н. В. Бирилло¹, А. К. Устинович², отдельные наши статьи³. Однако констатация их функционирования не связывалась с влиянием униатской церкви, а тем не менее данные, полученные в результате сопоставления именных Витебска 1641 и 1812 г., заставляют над этим задуматься.

Следует отметить, что вопрос о роли религии в целом и различных конфессий в жизни общества, развитии культуры неизменно возникает в кризисных исторических ситуациях – во время войн, разделения государств.

Актуальность данной проблемы и, в частности, места и роли униатства в ней, для Беларуси неоспорима прежде всего в связи с ренессансом христианства в республике и характеризующимся его активным включением в общественно-политическую жизнь. Для решения данной проблемы необходимо обратиться к истокам этого уникального церковного и культурного феномена. Нас в названной

¹ М. В. Бірыла, *Беларуская антрапанімія*, ч. 1: *Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы*, Мінск 1966; ч. 2: *Прозвішчы, утвораныя ад апеялыўнай лексікі*, Мінск 1969; ч. 3: *Структура ўласных мужчынскіх імён*, Мінск 1982 и др.

² Г.К. Усціновіч, *Антрапанімія Гродзенічыны і Брэстчыны (XVI-XVIII стст.)*, Мінск 1975; *Мужские личные имена в гродненских и брестских актах XV-XVII вв.*, Антропонимика, Москва 1970, с. 262–266 и др.

³ Г. Мезенка, *Мужчынскія ўласныя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст.*, Віцебск 1996, „Віцебскі сшытак”, № 2, с. 64–69; *Антропонимикон Витебска сярэдзіны XVII в. як зона столкновения разных культурно-религиозных традиций*, „Studia Slawistyczne 1: „Nazewnictwo na pograniczach etniczno-językowych”, s. 205–210 и др.

проблеме будет интересовать влияние унии и униатства на антропонимную систему белорусов в XVII – начале XIX в.: пробуждение национального самосознания, наблюдаемое сейчас в Беларуси, стремление белорусов (в первую очередь молодежи) к своим корням очень остро ставит вопрос о необходимости глубокого изучения антропонимного наследия народа.

Для того, чтобы точнее представить изменения, происходившие в именнике белорусов восточного региона, обратимся к обследованию антропонимиконов Витебска начала XVII в., когда униатская церковь еще только утверждалась в Речи Посполитой, „отвоевывая” у православия имущество и верующих, и начала XIX в., незадолго до ликвидации унии (ликвидирована на униатском соборе в Полоцке 12 февраля 1839 г.).

Общей приметой указанных именников является сосуществование в них имен двух канонических систем – православной и католической, при заметном превалировании первой. Однако доля участия этих систем различна в каждый из анализируемых срезов.

Поскольку принятая в 1596 г. в брестском варианте уния имела явно очерченную политическую доминанту и ориентировала дальнейшее развитие белорусской культуры исключительно в западном направлении, постольку предпочтение отдадим анализу католической подсистемы антропонимиконов.

В целом, по данным инвентаря города 1641 г., мужскую часть антропонимикона составили 114 имен (с учетом вариантов), большинство из которых христианские имена, канонизированные православной (*Атрахим, Атрошка* ← от церковного *Трофим, Навум* ← *Наум, Прокоп* ← *Прокофий, Хрол* ← *Фрол* и т.п.) или православной и католической церковью: *Адам, Антоний, Давид, Димитрий, Игнат* ← *Игнатий, Марк, Мартин, Павел, Петр* и др. Лишь два имени канонизированы только католической церковью – *Героним* и *Зенка* ← *Зенон*. Четыре являются древними славянскими именами, одно из которых канонизировано только православной церковью – *Владимир*, одно – только католической – *Станислав*, одно – как католической, так и православной церковью *Бгдан* (и *Багдн*), одно – не канонизированное ни православной, ни католической церковью – *Ярослав* (в форме *Ярош*).

Сохранились в именнике города начала XVII в. и такие ранее широкораспространенные некалендарные имена дохристианской поры, как *Ждан* и *Первашка*, снижение употребительности которых началось с распространением христианства на всей территории древней Руси.

Учитывая как католические имена, имеющие одинаковый фонетический состав при употреблении и в православной, и в католической традициях, к числу

католицизм можно отнести 16 имен, зарегистрированных инвентарем 1641 г.: *Адам, Базыль, Героним, Давид, Ежи, Зенон, Кристиоф, Мартин, Михал, Павел, Петр, Себастьян, Станислав, Стефан, Якуб, Ян*, сделав при этом вывод, что в данном документе католический компонент составлял седьмую часть мужской подсистемы антропонимикона города на Двине.

Важно отметить, на наш взгляд, и то, что большинство католических вариантов имен зарегистрировано в полной официальной форме. Думается, это может быть расценено не только как соответствие жанру памятника письменности, но и как проявление низкой степени адаптации католических имен белорусами восточного региона. И лишь вместо полной формы древнего славянского *Станислав*, канонизированного католической церковью, употреблены его сокращенно-разговорные формы *Стас* и *Стась*, да совместно с полными формами *Ян* и *Якуб* нашли фиксацию их разговорно-бытовые формы *Янка* и *Якуш*, *Яцак*.

Показательно, что и пятерка самых распространенных православных и католических вариантов заметно различаются как набором, так и степенью частотности одних и тех же имен. Так, если пятерку самых распространенных православных имен начинает имя *Иван* (в пятерке католических имен оно занимает третью позицию), то католических – имя *Михал*, находящееся у православных (*Михаил*) на седьмой ступени. Второе место у православных занимает имя *Федор*, а у униатов и католиков⁴ – *Стефан* и т.д.

В целом же соотношение самых частотных мужских имен в православной и католической подсистеме антропонимной системы выглядит следующим образом:

Православная	Католическая подсистема
Иван	Михал
Федор	Стефан
Андрей	Ян
Григорий	Явуб
Ъагдѧн	Мартин

В следующем столетии, несмотря на попытки российского правительства ограничить влияние униатства, оно усиливает свои позиции и становится самой массовой церковью на Беларуси⁵.

⁴ Судя по тому, что, по свидетельству А.М. Сементовского, до учреждения в 1640 г. иезуитского коллегиума в Витебске не было ни одного латинского костела, католицизм в нем в это время не имел достаточно сильных корней. А. М. Сементовский, *Витебск: Исторический очерк*, „Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год”, Витебск 1864, с. 48.

⁵ С.А. Падокшын, *Унія. Дзяржаўнасць. Культура (Філасофска-гістарычны аналіз, 2-е выд., Мінск 2000, с. 98.*

В конце XVIII в., по данным исследователей, на территории бывшего Великого княжества Литовского проживало приблизительно 39% униатов (от общего количества населения), 38% – католиков, 6,5% – православных, 4% – староверов, 1,6% – протестантов (лютеран, кальвинистов и др.)⁶. Еще выше показатель униатского компонента в конфессиональной принадлежности культовых сооружений. Как свидетельствует архивный материал, в это время в девяти уездах Белорусско-Витебской губернии было 66,9% монастырей и приходских церквей униатского, 29,7% – католического и только 3,4% – православного закона⁷.

Униатская церковь и униатство, в котором синтезировались византийское культурно-религиозное наследие, древние восточнославянские и западнославянские (польские) традиции, западноевропейские нововведения, прошли сложный путь. Внешне на присоединенных в результате первого раздела Речи Посполитой территориях, в число которых входил и Витебск, царское правительство позволяло деятельность всех конфессий, в том числе и униатства, о котором российскому обществу было мало что известно. Однако поскольку в Российской империи господствующей конфессией было православие, то и главным направлением политики царского правительства после присоединения территорий стало утверждение на них православия. Униатскую церковь с разных сторон тянули к себе православие и католицизм. С 1780 г. начался перевод униатов в православие, который сразу же встретил сопротивление не только со стороны униатского духовенства, но и со стороны верующих: в 1795 г. отмечались волнения во многих уездах, в том числе бунт в Оршанском уезде⁸. В конце же XVIII в. произошло „настолько тесное сближение униатской церкви с латинской, что если первая оказалась под влиянием двух сильнейших христианских конфессий, стала объектом их конкуренции, то верующие переходили в католицизм как в более близкую им веру”⁹.

Все эти культурно-религиозные колебания нашли яркое отражение в именнике белорусов.

Так, уже в списке 1812 г. почти треть жителей мужского пола носит польско-католические имена. Если сопоставить данные инвентаря 1641 г.

⁶ В. В. Грыгорева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава, *Канфесіі на Беларусі (XVIII–XX стст.)*, Мінск 1998, с. 5.

⁷ *Экономическое описание уездов Белорусско-Витебской губернии*, Российский государственный военно-исторический архив (Москва), ф. ВУА, ед. хр. 18616.

⁸ П. С. Горючко, *Из истории воссоединения униатов в Белоруссии*, Киев 1902.

⁹ С. Палуцкая-Марозава, *Сінтэз візантыйскай культурнай спадчыны, усходнеславянскіх традыцый і заходніх уплываў у беларускім уніяцтве*, „Кантакты і дыялогі: Інфармацыйна-аналітычны і культуралагічны бюлетэнь”, Мінск 1996, № 7-8, с. 27.

и списка 1812 г., то окажется, что в последнем из них католический компонент более чем в два раза количественно превосходит аналогичную подсистему анализируемого инвентаря. А если при этом учесть также, что в целом именной 1812 г. увеличился незначительно (использовано 158 мужских имен), то станет очевидно: каждое третье из употреблявшихся имен имело отношение к католическому компоненту. К использовавшимся в 1641 г. шестнадцати именам присоединились еще тридцать два, основную массу которых представляют имена, канонизированные как православной, так и католической церковью, что, на наш взгляд, является главным показателем воздействия на именной униатской культуры. Так, например, в списке 1812 г. находим параллельно с польско-католическими *Ежи (Грегор), Игнаци, Изаак, Йозеф, Лаврин, Лукаш, Матеуш (Матей), Миколай, Самуэль, Сильвейстар, Тадеуш, Теодор (Деодор), Филипп, Томаш, Якуб (Якуш)* и другие формы, чаще используемые православными: *Григорий (Гришка, Юрка), Игнат, Исак, Иосиф (Осип, Восип), Лаврентий, Лукьян (Лука), Матвей (Мацвей), Николай, Самуїла, Сильвестр, Фадей, Фёдор и Федор, Федос, Пилип, Фома, Яков.*

Однако в отличие от начала XVII в., когда указанный пласт имен населением использовался и в православном и в католическом вариантах, в начале XIX в. все чаще из двух вариантов жизненным становится польско-католический: *Базыль, Габриэль, Ежи, Грегор, Даниэль, Дыянизи, Ян, Еремияш, Елияш, Еляш, Изидор, Констанци, Лонгин, Онуфри, Себастьян, Стефан* и др.

Все эти факты, подтверждая, солидаризируют нас с высказыванием В.Сосны: „Как это ни парадоксально, но окатоличивание белорусов наибольшего размаха достигло именно после вхождения наших земель в состав Российской империи, и шло оно за счет униатов”¹⁰ и позволяет сделать заключение о том, что окатоличивание именника в полной мере совпало с данным политико-религиозным процессом.

Что касается пятерок самых частотных в 1812 г. имен, то они незначительно изменились по сравнению с 1641 г. Сравним:

Православная подсистема

Григорий
Федор
Михаил
Иван
Андрей

Католическая подсистема

Ян
Базыль
Стефан
Явуб
Йозеф

¹⁰ *3 гісторыі уніяцтва ў Беларусі (да 400-годдзя Брэсцкай уніі)*, Мінск 1996, с. 101.

Как видно из приведенных данных, из пятерки наиболее распространенных православных имен ушло имя *Багдн* (в отличие от *Бгдан*), освободив место для имени *Михаил*, в начале XVII в. чаще использовавшимся в польско-католическом варианте *Михал*. Более частотным по сравнению с 1641 г. стало имя *Григорий*, находившееся прежде на четвертом месте и занявшее сейчас первое место в пятерке. Наоборот, утратило свою частотность у православных в форме *Иван*, но вышло на первое место у униатов и католиков имя *Ян*.

Более тщательный анализ частотности православных и польско-католических форм одних и тех же имен позволяет высказать предположение о действии в начале XIX в. своеобразного принципа контраста в именовании православных, с одной стороны, и униатов и католиков, – с другой, проявлявшегося в том, что если имя было малораспространенным или нераспространенным у православных (например, *Василий*, *Степан*, *Яков* не входили в десятку самых частотных имен, а в 1641 г. первое из них занимало шестое место, второе и третье находились на девятом и десятом местах), то оно приобретало частотность у униатов и католиков (имя *Базыль* занимает второе, а *Стефан* и *Якуб* соответственно третье и четвертое места), и наоборот: менее задействованные при именовании мальчиков родителями униатского или католического вероисповедания имена чаще используются в православной среде.

Все сказанное свидетельствует о том, что униа имела довольно существенные и органические корни в именовании белорусов в XVII – начале XIX в.

Streszczenie

Grekokatolicyzm i imiona Białorusów w XVII–XVIII wieku

W artykule autorka przedstawia wyniki badań nad rolą Kościoła grekokatolickiego w formułowaniu systemu antroponimicznego Białorusów w XVII i XVIII wieku. Spożytkowano dane z 1641 roku, znajdujące się w bibliotece Litewskiej Akademii Nauk, oraz „Spis ludności Witebska z 1812 roku”.

Summary

Uniate Church membership and proper names of Byelorussians of the XVII–XVIII c.

In the article formulated were the analyses of research concerning the role the Uniate Church played in forming the anthroponymic system of Byelorussians in the XVII and XVIII c. The data of 1641 belonging to the library of the Lithuanian Academy of Science as well as the Vitebsk Census of the year 1812 were made use of.